

ЯНВАРСКОЙ НОЧЬЮ

А. Кресанов

Худ. Гомеров В. К.

РАССКАЗ

На Брянщине, недалеко от вековых лесов, в долине приютилось село Ананьино.

На его окраине среди тополей и лип стояла усадьба бывшего помещика. В одной половине дома помещался сельсовет, другая предназначалась для приезжих. В то время, о котором идет рассказ, здесь проживали старший инспектор упродкома Андрей Рязанов и его помощник Василий Кораблев.

День за днем мягко падал снег. Его насыпало столько, что дома и деревья выглядывали будто из огромной ватной ямы.

Шел первый месяц тысяча девятьсот двадцать четвертого года.

В эту ночь разбушевался ветер, с воем и свистом он бросал охапки снега на деревья, заборы, крыши домов.

Андрей лежал с открытыми глазами. Мысли его были далеко, где-то на юге. Пять лет как Андрей покинул станицу. Семнадцатилетним подростком ушел в Красную Армию, повоевал немало, а домой завернуть хотя бы на побывку не удалось. Вот и думается про дом, стоят перед глазами «старики», как он с грубоватой мальчишеской лаской звал отца и мать, улыбочное лицо сестренки. Не сумели Рязановы уберечь детей от горькой батрацкой доли, только революция их вызволила, повела своим путем.

На митингах, в жарких беседах, от тех самых людей, которые диковинно прозывались большевиками, слышал парнишка о Ленине, о его правде. Клинком и пулей защищал эту правду молодой красноармеец, а теперь, «на гражданке», снова приходится бороться за ленинскую

правду. В село Ананьино Рязанов со своим помощником прибыл по заданию укома партии и упродкомиссара. В селе, прятали, хлеб. Заводилами были кулаки, сколотившие банду. Один из «их» — Рожков. У него два сына белых офицера, старший — деникинский контрразведчик по приговору реввоен трибунала был расстрелян.

«Начинать с Рожкова», — подумал Андрей. Почему-то кольнула тревога, отчего обострился слух, сама по себе пришла настороженность. Он встал с постели, накинул полушубок, свернул сигарку. От света спички проснулся Кораблев:

— Что такое, Андрей?

— Ничего, ничего! Захотелось покурить.

К Рожкову он пришел с двумя членами сельсовета. Хозяин ввел их в большую комнату. Бросалась в глаза показная неряшливость: на деревянных кроватях валялись подушки и скомканное одеяло, на непокрытом столе — миски с недоеденной кашей, корки ржаного хлеба, пол, давно не мытый, по углам пауки, воздух спертый.

Поздоровавшись с хозяином, Андрей приступил к проверке записей по налоговым листам.

— Где и сколько имеее земли?

Вместо прямого ответа, Рожков, «подкинул» свой вопрос:

— Извините, гражданин инспектор, вы из каких будете — из рабочих, из крестьян ли?

— Из казаков, — спокойно ответил Андрей.

— Казаков? Хм... А где такое царство?

— Царство? — не мог сдержать улыбки Андрей. — У вас все царство на уме?

— Я, гражданин инспектор, не про то. Чудно: неужто в Ананьино не хватает своих люден на подобные розыски? Опять казаков позвали?

В словах кулака была издевка. Андрей заметил, как прислушиваются к разговору оба понятия.

— Я не тот казак, какой вам нужен. Тем казакам вороны давно выклевали глаза!

— Это вы о чем? — спросил Рожков, сверкнув взглядом.

— О том, что пора переходить к делу. Сколько же и где вы имеете земли?

— Что записано в листе, то имею. А лист у вас в руках, гражданин, инспектор. — Здесь записано тридцать десятин, правильно это? — Записано, стало быть, правильно, — зевнув, пробурчал Рожков.

День назад кто-то вложил в папку Андрея записку. В ней сообщалось, что Рожков утаил от учета двадцать десятин земли и запрятал в двух ямах на дворе сотни пудов ржи, ячменя, гречихи.

— Прибавь, хозяин, еще двадцать десятин к тем, что в налоговом листе, будет вернее, — предложил Андрей. Но Рожков упорно отрицал. Так же он отрицал излишки хлеба. Только когда его привели к разрытой яме, не сдержался:

— Уносил бы ты, парень, поскорее ноги в свое казацкое царство, а то, гляди, попадешь сам в яму...

Не сказал, а выхлестнул, как блевотину, тяжело, всем телом подвинулся к Андрею. Рука невольно потянулась к кобуре. Лица у обоих понятых посерели.

«Зверь! — подумал Андрей. — Готов горло рвать, паскуда!»

Припомнилось, как ему с Кораблевым пришлось четверо суток идти по вражеским тылам. В запасе на двоих разведчиков, имелся один сухарь. В лесу они наткнулись на сторожку. Перед их приходом здесь побывали белые. В сенях избышки лежал изрубленный лесник, а на деревянных нарах его жена. Прижимаясь к коченеющему телу матери, сидел трехлетний беловолосый мальчишка. Кораблев взял его на руки, прижал к груди. В избышке они не нашли ничего съестного. Тогда Кораблев размочил последний солдатский сухарь и накормил ребенка.

«А этот зверь из-за куска хлеба готов любого из нас убить», — не сводя глаз с Рожкова, заключил Андрей.

Кулака арестовали.

Опять ночь. Какая по счету? Спит Кораблев, лишь Андрею не до сна. Забудется, а потом снова прислушивается к буре. С каждым часом крепчает мороз.

И вдруг резкий стук в дверь... Еще и еще. У Андрея сжалось сердце, какое-то тяжелое предчувствие беды охватило все его существо.

— Кто там? — не подходя к двери, окликнул он.

— Дежурный!.. Товарищ инспектор, вас требуют из волости к телефону! Только немедленно!

— А кто?

— Не знаю, сказали срочно... Я и прибег за вами.

Кораблев, сидя на кровати, уже одевался.

Когда они подходили к крыльцу, Андрею показалось, что кто-то белый метнулся за угол. Но напрасно Андрей, побеговав следом, всматривался в снежную круговерть: ничего подозрительного.

В комнате неярко, горела керосиновая лампа. Потрескивали поленья в печи. Дежурный, прижимая трубку к уху, кричал: — Да, Ананьино!.. Сельсовет!.. Сейчас будут, сейчас!.. Алё, алё! Пришли, говорю!..

На ходу стряхнув снег, Андрей подошел к телефону.

Руки почему-то дрожали: Непокойно на сердце. Взяв у дежурного трубку — не сразу приложил к уху. Наконец, сбросив шайку, преодолел волнение.

— Рязанов у телефона! Откуда и кто звонит?.. Волком партии. Товарищ Романчук!

Слушаю... Что? Что-о?..

Кораблев и дежурный увидели, как лицо Андрея покрылось мертвенной бледностью, глаза расширились, голос прервался...

Внезапно тихо стало в жарко натопленной комнате. Беззвучно бились в оконные стекла снежинки, скользили — и уносились в белую тьму.

— Ленин... умер, — хрипло вымолвил Андрей. Черная телефонная трубка выпала из разжавшихся пальцев, медленно качаясь, повисла на шнуре.

Кораблев и дежурный сделали два-три шага назад и замерли. Так и стояли трое мужчин, по-солдатски опустив руки. Вот с трудом руки поднялись к головам, сняли шапки. И стоят не шелохнувшись трое.

Гудит за дверьми буран.

Потрескивают поленья в печи.

Никто из троих, замерших от непереносимого горя, не заметил, как к обледенелому окну прильнуло чье-то закутанное лицо.

Потрескивало, шебуршало в повисшей на шнуре телефонной трубке.

В самый последний момент что-то заставило Кораблева уголком глаза глянуть на окно — близко от стекла чернело винтовочное дуло с острой мушкой. Не давая себе отчета, Кораблев рывком бросился к окну. И тут же резко ударил выстрел.

Сквозь вой вьюги донесся, чей-то злобный выкрик:

— Всем вам туда дорога! Андрей с дежурным перевязали разорванными рубашками Кораблева, бережно положили его на две составленные вместе скамьи. Андрей послал дежурного за фельдшером,

— Зайди к председателю сельсовета, скажи — сейчас же собирать людей на митинг, — напутствовал он дежурного.

Андрей склонился над изголовьем Кораблева. А когда, медленно разогнув спину, Андрей мокрыми глазами окинул комнату — разбитое окно с белыми наметами снега, черный телефон на стене, кровь на полу, — он руками с силой сжал виски.

Большая площадь перед сельсоветом заполнялась крестьянами, мужчинами и женщинами. У многих в руках фонари. Скорбная весть о смерти Ленина дошла до всех. Молчалива огромная толпа.

Андрей как был в гимнастерке, так и вышел на крыльцо. Он не замечал холода, от сковавшего горло волнения не мог произнести слова. Только смотрел на сгрудившихся у крыльца людей, а люди смотрели на него.

А когда вырвалось первое слово — Ленин, — то оно вошло в каждое, сердце, вызвало рыданье. Все эти люди слились в одной скорби, в одном горе.

А голос у Андрея креп, разносился над всей площадью.

Нет, Андрей говорил не о смерти. Ленин умер, но бессмертно его дело, в надежных руках партии, в руках народа. И вечно будет жить Ленин в великом строительстве коммунизма. Клянемся в этом.

* * *

То, что ты прочел, современник, одна из многих, непрочитанных страниц пережитого. И когда ты будешь слушать рассказ о героических делах строителей гигантских гидростанций, о проникновении в космос, о новой жизни целинных степей, обо всем, что составляет нашу жизнь, то присмотришься к людям, свершающим это. Ты встретишь среди них много таких, у кого поседела голова и чьи лица изрыли морщины. Тогда ты вспомнишь об Андрее Рязанове, Василии Кораблеве и о всех тех, кто давал клятву на верность в ту далекую январскую ночь тысяча девятьсот двадцать четвертого года.